

Гацкан Александра Анатольевна
аспирант отдела
теории и истории литературы
Институт литературоведения
имени Янки Купалы
НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Aliaksandra Gatskan
PhD Student
of the Department of Theory and History
of Literature
Institute of Literary Studies
named after Yanka Kupala
NAS of Belarus
Minsk, Belarus
imsanchesgatskan@gmail.com

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ТЕЧЕНИЕ

MYTHOLOGICAL REALISM AS A SEPARATE LITERARY STYLE

В статье приведена попытка выделения мифологического реализма как отдельного от магического реализма литературного течения, имеющего свои специфические черты, такие как обязательное использование не только мифологических образов, но и мифологических сюжетов, их трансформация и часто демифологизация. В статье также обращается внимание на тенденцию к обращению писателей к античной, а не национальной мифологии.

Ключевые слова: античный мифологический реализм; демифологизация; магический реализм; мистический реализм; мифологический реализм; трансформация мифа.

This article provides an attempt at distinguishing mythological realism from magical realism as a separate literary style that has its own specific features such as the obligatory use of not only mythological images, but also mythological plots, the transformation of these plots and often demythologization. This article also draws attention to the tendency of writers to turn to Greco-Roman mythology rather than to national mythology.

Key words: antique mythological realism; demythologization; magical realism; mystical realism; mythological realism; transformation of a myth.

Понятие «мифологический реализм» встречается в сочетании «античный мифологический реализм» и чаще применяется к скульптуре, однако оно также относится ко всему древнегреческому и древнеримскому искусству. Так, М. Ллойд (англ. M. Lloyd), профессор греческого языка и литературы Университетского колледжа Дублина, называет драматургов Софокла и Еврипида «реалистами в широком смысле», отмечая при этом, что Еврипида можно считать реалистом и в более узком значении: «Euripides resembles Sophocles in being a realist in this broader sense, but also invites interpretation in terms of realism as it developed as a literary and artistic movement in the third quarter of the nineteenth century» [1, p. 605].

Понятием «кантичный мифологический реализм» подчеркивается стремление древнегреческих и древнеримских деятелей искусств к отображению реальности при условии мифологического мышления людей того времени. Так, именно в Древней Греции сложился «принцип мимесиса» – подражание действительности: «Так как поэт есть подражатель подобно живописцу или какому-нибудь другому художнику, – говорит Аристотель, – то необходимо ему подражать непременно чему-нибудь одному из трёх: или он должен изображать вещи так, как они были или есть, или как о них говорят и думают, или какими они должны быть» [2, с. 18]. Стоит отметить, что «Поэтика» Аристотеля была написана уже после того, как начался упадок веры в олимпийских богов, и автор защищает право поэтов использовать народные верования в искусстве, продолжая при этом описывать действительность: « ...если поэта упрекают в том, что он не верен действительности, то, может быть, следует отвечать на это так, как сказал Софокл, что сам он изображает людей, какими они должны быть, а Еврипид такими, каковы они есть; если же его упрекают в том, что он не следует ни тому, ни другому, то он может отвечать на это, что так говорят, например, о том, что касается богов» [2, с. 18–19]. Данный принцип окажет важное влияние на реалистическую литературу XIX–XX вв. Однако термин «мифологический реализм», применяемый для определения произведений XX в., не может означать того же, что «кантичный мифологический реализм».

Так, перечисляя разные формы реализма, А. А. Гугнин, советский, а позднее белорусский и российский литературовед, выделяет «мифологический реализм», характеризуя его следующим образом: «Реализм, стремящийся овладеть всеми формами человеческого сознания с помощью рационального сознания, вывести их, так сказать, “на чистую воду”» [3, с. 63–64]. Литературовед указывает следующие особенности этого литературного течения, поясняя, почему он его выделяет: «Я выделил в своём перечне “реализмов” XX в. мифологический реализм, имея в виду именно его четкую ориентированность на мифологию. Мифологический роман, который я имею в виду, как правило, – типичный исторический реалистический роман, действующие лица которого взяты из мифологии, а не вымыслены (как Базаров у Тургенева или Наташа Ростова у Толстого) и не заимствованы из истории (как Кутузов или Наполеон у того же Толстого)» [3, с. 87]. Можно также встретить мнение, что существует мифологический реализм в широком и узком смысле: «Необходимо различать употребление термина “мифологический реализм” в широком и узком значениях. В широком значении термин “мифологический реализм” подразумевает <...> не противоречащую реалистическому освоению действительности и специфике художественной литературы сосредоточенность автора на раскрытии глубинных, субстанциальных основ жизни, восходящих к мифологическим архетипическим образцам. Использование термина “мифологический реализм” в узком значении связано с усилением во второй половине XX века интереса многих зарубежных и части российских писателей к народной мифологии» [4, с. 42]. Однако в западном литературоведении мифоло-

гический реализм не выделяется из магического реализма, которому также присущи элементы, взятые из мифологии (стоит отметить, что произведения, которые можно отнести к мифологическому реализму, обозначаются как «пересказ (retell) мифа», но не каждое произведение, являющееся пересказом мифа, написано в реалистическом направлении). В русскоязычных научных работах можно также встретить мнение, что термин «мифологический реализм» синонимичен термину «магический реализм» (например, в диссертации А. В. Татаринова «Формирование мифологического реализма в творчестве Леонида Андреева, 1898–1911 годы» изначально мифологическим реализмом называется литература Латинской Америки, и в качестве вариантов термина приводятся «магический/галлюцинирующий» [5]). В связи с этим стоит подробнее рассмотреть, что другие литературоведы понимают под «магическим реализмом», чтобы суметь разделить «магический» и «мифологический» реализм.

Термин магический (или мистический) реализм был введен Ф. Рохом (нем. Franz Roh) в его работе «Nach Expressionismus: Magischer Realismus: Probleme der neuesten europäischen Malerei» 1925 г. и использовался для описания течения, пришедшего на смену экспрессионизму в живописи (авангардная живопись). В литературе термин был впервые применен Э. Жалу (фр. Edmond Jaloux) в 1931 г. в статье «L’Esprit des Livres», изданной в газете *Les Nouvelles littéraires*. На него ссылается С. И. Шаршун в статье «Магический реализмъ» 1932 г., отмечая, что появилось определение «внутренней неубедительности» работ современных ему авторов, которых до этого причисляли к неоромантикам и мистикам: «Это определение [магический реализм], наконецъ, формулируетъ тенденцію, не только французской, но и всей современной литературы. До сихъ поръ, сознавая внутреннюю неубѣдительность – приходилось считать себя: нео-романтикомъ, мистикомъ, теперь-же, романтизмъ можетъ спокойно отойти въ исторію» [6, с. 229–230]. Он находит корни русского магического реализма в произведениях Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и Н. С. Лескова.

Магический реализм как литературное течение ассоциируется прежде всего с литературой Латинской Америки. А. Карпентье, один из основателей этого течения в литературе, связывал действительность Гаити и всей Америки с чудом. «Реальным миром чудесного» называет писатель повседневную реальность этих стран: «С особенной отчетливостью убедился я в этом во время своего пребывания на Гаити, когда повседневно соприкасался с реальностью, которую можно определить как реальный мир чудесного. Я ступал по земле, помнившей времена, когда тысячи жаждущих свободы людей уверовали в то, что Макандаль наделен даром обращаться в животных, и настолько уверовали, что коллективная их вера сотворила чудо в день казни однорукого. <...> И в то же время мне думалось, что реальный мир чудесного во всей его жизненности и жизнеспособности не составляет исключительной привилегии Гаити, а является достоянием Америки вообще; ведь недаром, например, еще не описаны полностью все космогонические

системы народов этого континента. Реальный мир чудесного вторгается на каждом шагу в жизнь людей, вписавших страницы в историю Латинской Америки и оставивших родовые прозвища, которые и поныне носят в ее странах» [7, с. 34]. Это чудо писатель стремился отобразить в своем романе «Царство земное» в противовес того чуда, которое пытались, по мнению А. Карпентьера, воссоздать европейские писатели при помощи литературных штампов. В реальность их произведений не верили сами европейские читатели, тем самым нивелируя «чудо», так как вера является основной его составляющей.

Несмотря на то, что магический реализм берет свое начало с латиноамериканской литературы (колумбийской, аргентинской, бразильской), он распространился и на другие национальные литературы. Так, к магическому реализму относятся: роман сербского писателя М. Павича (серб. Милорад Павић) «Хазарский словарь»; романы немецких писателей Э. Ланггессер (нем. E. Langgässer) «Неизгладимая печать», Э. Крайдера (нем. E. Kreuder) «Общество с чердака», Г. Казака (нем. H. Kasack) «Город за рекой», в которых литературоведы видят влияние Ф. Кафки (нем. F. Kafka). Черты магического реализма находят в кыргызской («Белый пароход» и «Пегий пёс, бегущий краем моря» Ч. Т. Айтматова и др.), узбекской («Зов смерти» и «Древняя песня» З. Куралбай кызы, «Жажман» Х. Дустму-хаммада и др.), грузинской («Облачение Первое» Г. Дочанашвили, «Шёл по дороге человек» О. И. Чиладзе и др.), армянской («С неба упали три яблока» Н. Ю. Абгарян, «Дом, в котором...» М. С. Петросян, «Солнце близнецов» Г. Сарбекян и др.) литературах. В белорусской литературе к магическому реализму относят роман «Валсарб» Х. Побяржиной. Несмотря на довольно большой перечень произведений западноевропейских национальных литератур, написанных в русле данного литературного течения, к достижениям магического реализма относят отход от европоцентризма и привлечение внимания к неевропейским культурам (прежде всего к латиноамериканской литературе).

Приведенный выше факт может являться одним из ключевых различий между «магическим» и «мифологическим» (в понимании А. А. Гугнина) реализмами. Так, А. А. Гугнин перечисляет следующие произведения, которые он относит к мифологическому реализму: Т. Манн (нем. T. Mann) «Иосиф и его братья», К. С. Льюис (англ. C. S. Lewis) «Пока мы лиц не обрели», М. Стюарт (англ. M. Stewart) «Полые холмы», К. Вольф (нем. C. Wolf) «Кассандра» и «Медея», Ф. Фюман (нем. F. Fühmann) «Ухо Дионисия». В других источниках можно также найти такие произведения, как «Песнь Ахилла», «Цирцея» и «Галатея» М. Миллер (англ. *The Song of Achilles, Circe, Galatea* by M. Miller), «Пенелопиада» М. Этвуд (англ. *The Penelopiad* by M. Atwood), «Лавиния» У. К. Ле Гуин (англ. *Lavinia* by U. K. Le Guin), «Чёрные корабли» Дж. Грэм (англ. *Black Ships* by J. Graham), «Пробудись, Сирена: перепев Овидия» Н. Маклолин (англ. *Wake, Siren: Ovid Resung* by N. MacLaughlin), «Молчание девушек», «Женщины Трои» и «Путь домой»

П. Баркер (англ. *The Silence of the Girls, The Women of Troy, The Voyage Home by P. Barker*), «Аклестида» К. Бойтнер (англ. *Alcestis by K. Beutner*), «Король должен умереть» и «Бык из моря» М. Рено (англ. *The King Must Die, The Bull from the Sea by M. Renault*). Можно заметить, что абсолютное большинство перечисленных произведений строятся на основе античных мифов, другие имеют в качестве основы библейский сюжет и легенду о рыцарях круглого стола (часть британского эпоса и широко распространенный сюжет средневековых рыцарских романов). Из этого возможно заключить, что, несмотря на определение А. А. Гугнина, по которому к мифологическому реализму можно отнести переосмысление и реалистическую реставрацию мифологического сюжета любой мифологии, существует тенденция возвращения писателей к древнегреческим и древнеримским образам. Таким образом, можно отметить традиционность этого течения, которое продолжает использовать античную мифологию как базу для произведений, что было характерно для западноевропейской литературы на протяжении всего ее развития.

Как уже отмечалось выше, мифологический реализм подразумевает повторение сюжета мифа, использование мифологических персонажей (в категорию «мифологический персонаж» попадают герои, которые, по мнению научного сообщества, никогда не существовали или чье существование спорно. Так, король Артур является мифологическим персонажем, хотя и есть отдельные историки, допускающие его существование) и их трансформацию. В то же время для магического реализма не свойственно повторение мифологических сюжетов, но могут использоваться мифологические персонажи. Интересным в этом плане является роман «Шёл по дороге человек» грузинского писателя О. Чиладзе, который, в противовес тому, что было написано выше, написан в русле магического реализма, и базой для которого является древнегреческий миф об аргонавтах. Однако специфика этого мифа связывает Грузию и Грецию: действие разворачивается в Колхиде, которую ученые называют одним из первых грузинских государств. Также произведения, написанные в русле магического реализма, могут быть основаны на исторических событиях, а их героями могут быть исторические личности. Так, действие романа «Царство земное» А. Карпентьера разворачивается во время революции на Гаити, а Ф. Макандаль является действительно существовавшим предводителем восставших беглых рабов.

Произведение, написанное в русле мифологического реализма, может быть демифологизировано: сверхъестественные события могут быть представлены абсолютно обыденными, не следствием вмешательства богов, а результатом действий самих людей. Так, образ Медеи в одноименном романе К. Вольф лишен какой-либо сверхъестественности: она харизматичная женщина, разбирающаяся в травах, человеческой психике и анатомии. Однако ее непохожесть на коринфянок и иноземное происхождение становятся причиной для народного мифотворчества среди населения

Коринфа: все видели, как ее, оклеветанную и оплеванную, выгоняла стража из города. Несмотря на это, образ Медеи подвергся мифологизации: *Und weil man die Legenden im Keim ersticken will, die im abergläubischen Volk entstehen: daß die Göttin selbst, Artemis, die Flüchtenden in ihrem Schlangenwagen der Erde enthoben und sie in sichere Gefilde entführt habe* [8, S. 167] (А еще – потому что хотят в зародыше уничтожить легенды, которые уже на все лады перепевают суеверный люд: будто сама богиня Артемида унесла их на своей запряженной змеями колеснице в самые безопасные края, в небесные кущи [9] – пер. М. Л. Рудницкого). В повести «Кассандра» К. Вольф была показана другая сторона демифологизации: герои, воспеваемые Гомером и другими древнегреческими поэтами и драматургами, наделяются противоречивыми характеристиками: Агамемнон становится *неуклюжим простофилей, пустоголовым болваном* («*verschrötige Agamemnon*», «*Agamemnon, der Trottel*», «*des Mannes, dieses Hohlkopfs*»), Диомед – *неуклюжим и грубым* («*Der ungeschlachte Mensch*»), Ахилл называется *скотом* («*das Vieh*» [10, S. 49]). В «Пенелопиаде» М. Этвуд, произведении, подвергшемся демифологизации в меньшей степени, чем работы К. Вольф, показана двойственность слухов: одни возвеличивают героя, другие представляют собой более реалистический вариант: *Odysseus had been to the Land of the Dead to consult the spirits, said some. No, he'd merely spent the night in a gloomy old cave full of bats, said others. He'd made his men put wax in their ears, said one, while sailing past the alluring Sirens – half-bird, half-woman – who enticed men to their island and then ate them, though he'd tied himself to the mast so he could listen to their irresistible singing without jumping overboard. No, said another, it was a high-class Sicilian knocking shop – the courtesans there were known for their musical talents and their fancy feathered outfits* [11, p. 91] (Одиссей побывал в Стране Мертвых, где совещался с духами, говорили одни. Нет, он всего-навсего переночевал в какой-то старой мрачной пещере, полной летучих мышей, возражали другие. Он велел матросам запечатать уши воском, рассказывал кто-то, и так сумел проплыть мимо Сирен – полулутиц-полуженщин, что заманивали мореходов к себе на остров и пожирали; сам же Одиссей приказал привязать себя к мачте, чтобы услышать их неотразимое пение, но не поддаться соблазну прыгнуть за борт. Нет, утверждали другие, он всего лишь посетил публичный дом на Сицилии: тамошние куртизанки славятся своими музыкальными талантами и причудливыми нарядами из перьев [12] – пер. А. И. Блейз). Произведение магического реализма не может быть абсолютно рациональным, не иметь «чуда» – это черта, выделяющая это течение.

Опираясь на вышеприведенные определения мифологического реализма, можно сказать, что произведения, написанные в данном литературном течении, берут за основу традиционный миф в узком его понимании – миф как сюжет, взятый и обобщенный из произведений в основном античных авторов. Использование именно древнегреческой мифологии является характерной чертой мифологического реализма

и отличает его от магического реализма, который работает больше с мифологией родной страны писателя. Можно сказать, что мифологический реализм в современной литературе продолжает традицию античного мифологического реализма. При этом характерно, что сюжет произведения, написанного в русле мифологического реализма, творчески обрабатывается: в него привносится глубокий психологизм, нередко через него поднимаются проблемы современного общества, часто роль рассказчика достается созданным самим автором персонажам, вписанным в мифологический сюжет, а образ известных героев трансформируется. Стоит также отметить, что сюжет произведения может быть демифологизирован: почти все сверхъестественное в нем может быть объяснено обыденными, реалистическими вещами, что отличает мифологический реализм от магического. Все выше-приведенные факты позволяют выделять мифологический реализм из магического.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lloyd, M. Realism in Euripides / M. Lloyd // Brill's Companion to Euripides / ed. A. Markantonatos.* – Leiden : Brill, 2020. – P. 605–626.
2. *Аристотель Об искусстве поэзии / Аристотель.* – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 184 с.
3. *Гугнин, А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления / А. А. Гугнин.* – М. : Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 1998. – 118 с.
4. *Димитриева, В. Н. Миф и литература: духовно-нравственный поиск: учеб. пособие / В. Н. Димитриева.* – Чита : Изд-во ЗабГГПУ, 2011. – 142 с.
5. *Татаринов, А. В. Формирование мифологического реализма в творчестве Леонида Андреева (1898–1911 годы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Татаринов Алексей Викторович ; Башкир. гос. ун-т.* – Уфа, 1996. – 25 с.
6. *Шаршунъ, С. И. Магический реализмъ / С. И. Шаршунъ // Числа. – 1932. – № 6. – С. 229–231.*
7. *Карпентьер, А. Избранное / А. Карпентьер.* – М. : Радуга, 1988. – 576 с.
8. *Wolf, Chr. Medea. Stimmen / Chr. Wolf.* – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2008. – 174 S.
9. *Вольф, К. Медея / К. Вольф.* – URL: https://lib.ru/INPROZ/WOLF_K/wolf.txt (дата обращения: 21.02.2025).
10. *Matzkowski, B. Erläuterungen Zu Christa Wolf, Kassandra / B. Matzkowski.* – Hollfeld : C. Bange Verlag, 2008. – 103 S.
11. *Atwood, M. The Penelopiad / M. Atwood.* – Edinburgh : Canongate, 2005. – 199 p.
12. *Этвуд, М. Пенелопиада / М. Этвуд.* – URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=9810&p=1 (дата обращения: 31.01.2025).

Поступила в редакцию 08.04.2025